

М.Г. Лазар

**ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

M.G. Lazar

**ETHICAL GROUNDS FOR VIRTUAL
COMMUNICATION REGULATION**

В статье раскрывается специфика компьютерной (виртуальной) коммуникации. Она является одним из последствий четвертой информационной революции, породившей информационное общество. Анализируются причины возникновения идеологии либертарианства в сети Интернет, ее основные формы, специфика морально-го регулирования отношений людей и возможные философские основания для формирования профессионально-этических кодексов, регулирующих виртуальные коммуникации.

The article analyzes the specificity of the computer-mediated (virtual) communication. It is one of the consequences of the 4th informational revolution that gave birth to informational society.

The following aspects are analyzed: the causes of libertarian ideology formation on the Internet; the basis forms of this ideology; the specificity of human moral relationship regulation; and possible philosophical grounds for the formation of professional ethic codes that regulate virtual communication.

Современный мир описывается современной философией и социологией как период формирования информационного общества, для которого характерны компьютеризация большинства сфер человеческой жизнедеятельности, использование информационных сетей и информационных технологий. Черты информационного общества стали проявляться в 70-е годы XX века как следствие **четвертой информационной революции**, связанной с изобретением микропроцессорской технологии, с появлением персонального компьютера, информационных сетей (Интернета в первую очередь) и информационной индустрии. Она включает производство технических средств, методов, технологий для производства новых знаний.

Этот период развития современного общества характеризуется тремя фундаментальными инновациями: а) переходом от механических и электрических средств преобразования информации к электронным средствам; б) миниатюризацией всех узлов, устройств, приборов, машин; в) созданием программно-

управляемых устройств и процессов (Рейман, 2001, с. 6). А поскольку нас интересуют возможности социального контроля в виртуальных коммуникациях, добавим четвертую «инновацию» – снижение реального социального (профессионального в первую очередь) контроля над процессом создания и распространения информации.

Информационная технология понимается нами как процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи первичной информации с целью получения информации нового качества о состоянии объектов, процессов или явлений окружающего мира. Особенностью указанной четвертой информационной революции является то, что в ее основе находится интеграция естественнонаучных, технических и гуманитарных знаний, т.е. научное знание. Выработка этих знаний происходила в рамках социального института науки, предполагающего четкие правила проверки и контроля качества новой информации, преобразованной в результате прохождения института научной экспертизы в **научное знание**. Наука конца XX века признает социальный контроль и самоконтроль, она не может функционировать полноценно без правового, нравственно-профессионального контроля.

Однако XXI век выдвигает на первый план **информацию**, которая не всегда является проверенной по общепризнанным правилам новым знанием, т.е. *понятие «информация» не тождественно понятию «научное знание»*, хотя информационные технологии и информационные сети и вся информатика как наука возникли на основе научных знаний. Определение понятия «информация» в разных науках – различное. Она по-разному осмысливается в философии, экономической науке, кибернетике, теории принятия решений, семиотике. Например, в семиотике информация понимается как мера устранения неопределенности знаний у получателя сообщения о состоянии объекта или о каком-то событии (Рейман, 2001, с. 6–8). В науковедении и философии познания научное знание – это не просто новая информация об объектах, их свойствах, явлениях окружающего мира. Это – такая новая информация, признание которой научным знанием подчинено определенным требованиям ко всему процессу: ее производства, проверки и экспертизы, обсуждения и обнародования (печатания), что определяется в науковедении как методология процесса познания, как этос науки и этика ученого (см. Лазар, 2001, с. 147–158). Обмен информацией через современные средства связи и в первую очередь через компьютерные сети предполагает использование не только научного знания, т.е. проверенной информации, но и непроверенной информации, так как здесь еще не выработаны формы социального контроля «качества», истинности этой информации.

Компьютер, телевидение, информационные сети активно создают сегодня вкусы людей, систему ценностей общества, виртуальную культуру и целый виртуальный мир определенного количества людей. **Информационное общество** отличается от индустриального тем, что на первый план в экономике выходят не производственные технологии, а технологии информационные, господствующей цен-

ностью общества становится информация, ее производство, хранение и распространение. В нем изменяются основы функционирования большинства социальных институтов – государства, собственности, науки, образования (см. Информационное общество, 2001, вып. 3, с. 29–34).

Нас, бесспорно, будут интересовать преимущественно проблемы, связанные с влиянием информационных технологий и информационных сетей на разные стороны жизнедеятельности общества, но особенно на образование, на формирование специалиста, способного не только к непрерывному образованию, но понимающего и принимающего некоторые ограничения, связанные с использованием информационных технологий. Становление и развитие современной модели образования невозможно без диалога и совместного творческого поиска специалистов в разных областях человеческого знания. Поэтому комплексное осмысление последствий нового типа коммуникации, названной **виртуальной**, осмысление рисков формирования информационного общества, компьютеризации и использования сетевых технологий становится остроактуальной задачей.

В настоящей статье, первой из серии предполагаемых статей на тему социальной и этической регуляции компьютерной (виртуальной) коммуникации, мы раскроем аспект, связанный со спецификой компьютерной коммуникации, спецификой морали и теоретическими основами возможной этической регуляции этой коммуникации.

Специфика компьютерной (виртуальной) коммуникации

С точки зрения функциональных возможностей, Интернет можно рассматривать разносторонне: как базу информационных данных практически для всех сфер деятельности людей, включая науку и образование, как библиотеку нового типа, как средство массовой коммуникации, как особое коммуникационное пространство (киберпространство) и как среду функционирования виртуального сообщества потребителей ее информации. Точно также и проблемы сетевого регулирования находятся на пересечении технологий, экономики, политики, права или морали, поэтому анализ сетевой этики носит междисциплинарный характер и находится на пересечении философии, наукоедения, социологии и этики. Главным предметом предварительного анализа сетевой этики является сетевая (виртуальная) коммуникация, осуществляемая в киберпространстве.

Коммуникация – это социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного общения (массового, профессионально-служебного, интимного), осуществляемого по разным каналам при помощи различных коммуникационных средств – вербальных, невербальных и других (Конецкая, 1997, с. 9). Соответственно, **виртуальная коммуникация** нами понимается как форма коммуникации по признаку канала приема и передачи информации (через компьютер и компьютерные сети). Она обладает рядом существенных отличий от большинства традиционных форм коммуникации, среди которых можно отметить следующие.

Во-первых, она обладает высоким уровнем проницаемости, носит **глобальный** характер, ее участником может быть индивид, находящийся в любой части планеты (естественно, если у него есть компьютер, ноутбук или мобильный телефон последнего поколения со спутниковой связью). Вместе с тем она является **дистантной** (заочной), **взаимонаправленной** и **интерактивной**, т.е. любой человек может принять в ней участие, как в качестве реципиента, так и отправителя сообщений (естественно при наличии соответствующего уровня подготовки в области информатики). Тем самым она и отличается от массово-информационной коммуникации.

Виртуальная коммуникация отличается также **анонимностью**, так как участники диалога не знакомы и не представлены друг другу, у коммуникантов отсутствует достоверная информация друг о друге и они могут уйти с диалога в любой момент. Более того, в ней существует возможность принимать для другого любой образ, поэтому можно сказать, что в сетевой коммуникации взаимодействуют не конкретные личности, а **симулякры** (термин используется широко в последние десятилетия на Западе в постмодернистской философии). В сетевой коммуникации можно экспериментировать со своей идентичностью, здесь используются псевдонимами («Никами») (Малькова, 2004, с.7–8).

Возможность оставаться анонимным и сменить имя, данные о себе фиксирует на деле символический отказ личности от себя, от своей идентичности, частичный выход коммуникантов из общества, из реальной культуры, создает иллюзию отсутствия в этом виртуальном мире каких-либо культурных, социальных норм и ограничений. Это сближает виртуальную коммуникацию со средневековым карнавалом, когда в течении одной ночи или всего карнавала люди могли предаваться любому развлечению, не будучи ограничены ни моральными, ни религиозными нормами, что позволяло временно забывать о жестокости и жестокости реальной жизни. Это означает что виртуальная коммуникация, пренебрегающая значимость многих социальных условностей и различий, носит **нестатусный** характер, каждый доступен каждому, в то время как в традиционной культуре доступ к ней ограничен социальным статусом человека. У виртуальных коммуникантов нет ни тел, ни пола, ни возраста, ни профессии, ни национальности, ни расы.

Размывание социальных ролей и статусов, уничтожение пространственных, культурных, географических барьеров и другие отмеченные выше особенности виртуальной коммуникации затрудняют контроль виртуального пространства и виртуальной коммуникации со стороны существующих ныне социальных институтов. Поэтому можно говорить о такой их черте, как **неинституциональность**, неопределенность регулирующих их социальных (правовых и нравственных) норм.

Перечисленные выше особенности виртуальной (компьютерной) коммуникации накладывают ощутимый отпечаток на социальные отношения, возникающие в киберпространстве, они создавали в прошлом и, пожалуй, создают и

сегодня у участников сетевого общения иллюзию абсолютной свободы от общества, государства, внешней культуры, т.е. либертарианские настроения.

Почему возникла идеология либерализма в Интернете

Иллюзия тотальной свободы в Интернете наиболее четко сформулирована в «Декларации Независимости Киберпространства» Дж. П. Барлоу (1996) и в лозунге хакеров «информация хочет быть свободной», хотя, как отмечает Е.Ю. Малькова, либеральная «сетевая идеология существует в трех вариантах, которые можно условно обозначить как радикально-анархический, либерально-демократический и либерально-экономический» (Малькова, 2004, с. 9).

Сторонники первого варианта либертарианской идеологии рассматривают Интернет как «электронный фронтир», как последнюю нерегулируемую область человеческой жизнедеятельности, которую необходимо защищать от любых ограничений – как внешних, так и внутренних. Сторонники либерально-демократической версии сетевой идеологии рассматривают Интернет как средство выстраивания новой «цифровой демократии», т.е. демократии, обогащенной возможностями информационно-коммуникационных технологий.

Нам представляется, что утопичность первого варианта достаточно очевидна, но при этом следует вспомнить, что и наука, и образование (университеты) в период их признания и становления пользовались в течение многих столетий существенной автономией от общества, государства и даже от церкви. В либерально-демократическом варианте содержится также очень важная идея действительного демократического потенциала информационных сетей. Они способны в принципе увеличить независимость граждан от государственных структур, от чиновников путем обеспечения их доступа к банкам данных для получения всяческих справок, сведений, касающихся их лично, их прав, т.е. участвовать в разрушении чрезмерной монополии государства, чиновников на решение многих вопросов граждан, о чем речь пойдет в дальнейшем.

Сторонники либерально-экономической версии утверждают, что развитие информационно-коммуникационных технологий должно вести, в первую очередь, к созданию «электронного рынка», абсолютно свободного от какого бы то ни было государственного регулирования, хотя сама логика развития Интернета противоречит идеологии «электронного рынка», отданного на откуп частным предпринимателям.

Объединяет их главная идея, содержащаяся в упомянутой «Декларации...» – киберпространство должно оставаться независимым от государственных структур и социальных институтов. «Сеть – исключительно саморегулирующаяся система, не подвластная никакому принудительному регулированию, она должна выстраиваться лишь сообразно нравственным, но никак не юридическим законам... Мы сотворим в Киберпространстве цивилизацию Сознания» утверждает ее создатель, основатель Electronic Frontier Foundation (Фонда электронных гра-

ниц) Джон Перри Барлоу как ответ на попытку правительства США издать закон о благопристойности электронных коммуникаций (Барлоу, 1996).

Достаточно красноречивыми документами, фиксирующими эти настроения и идеологию абсолютной свободы, являются «Манифест хакера», содержащий некий «кодекс чести» хакера (так называемые правила хакерной этики, сформулированные Стивеном Леви) и «Манифест киберпанков», оформленные в 80 – 90-е годы прошлого века (см. Хозиков, 2003, с. 20).

В первом документе записано:

1. Всегда следуй практическому опыту.
2. Доступ к компьютерам и всему другому, что помогает познать устройство мира, должен быть всеобщим и неограниченным.
3. Вся информация должна быть открытой.
4. Не доверяй властям, содействуй децентрализации.
5. О хакерах надо судить по делам, не принимая в расчет степень, возраст, расу или должность.
6. С помощью компьютера можно творить прекрасное.
7. Компьютеры могут изменить жизнь к лучшему.

Истинный хакер, согласно этому кодексу, не имеет корыстных или деструктивных намерений, проникая в чужие программы, хакер считает, что это позволяет ему реализовать собственные творческие амбиции, удовлетворять любопытство. Моральная обязанность истинного хакера – бесплатно создавать новые программы. «Мое преступление – в моем любопытстве» – записано в «Манифесте хакера». Что касается второго документа, то он еще радикальнее: «Мы за свободу выражать свои мысли, не опасаясь Системы». Эти документы, как и другие, более поздние, не снимают главное содержание действий хакеров, они – **асоциальны**, ибо неограниченная свобода информации однозначно не может быть одобрена обществом.

Это позволяет утверждать, что в основании возникновения сетевой этики (морали) находится провозглашаемая разными вариантами либеральной идеологии идея незыбленности личной информационной свободы, которая обретает в этой идеологии статус безусловного нравственного требования.

Конечно, не новая мысль о неограниченной свободе весьма привлекательна, но на практике свобода оказывается привлекательной далеко не всегда. Особенно в ситуации, когда у Вас «зависнет» компьютер в результате действия этих «любителей абсолютной свободы», порождающих компьютерные вирусы. Поэтому приходится согласиться с тезисом Аристотеля о «золотой середине» в поведении как о наилучшем варианте для поведения и в киберпространстве и признать, что **процессы виртуального взаимодействия необходимо в той или иной степени регулировать и контролировать**. Речь идет о таких универсальных регуляторах в обществе, как право и мораль.

Не затронув пока существующие в мире формы правового регулирования сетевой коммуникации (это задача следующей статьи), отметим, что **попытки**

правового и морально-этического регулирования в этой новой сфере человеческой деятельности вписываются в общую социологическую закономерность развития новых видов групповой деятельности и обозначаются термином «институционализация».

На наш взгляд, речь идет действительно о зарождении, о появлении некоторых внутренних и внешних форм институционализации информационных отношений, связанных с компьютерными технологиями и сетевыми коммуникациями. Именно об этом свидетельствуют возникающие формы самоорганизации провайдеров, дилеров, принятые законы и профессионально-этические кодексы участников новой в историческом масштабе формы деятельности, общения и коммуникации. Причем глобальный и все проникающий характер виртуальной коммуникации предполагает выработку правовых актов, законов и правил как на национальном, так и на международном уровнях.

Специфика морального регулирования: теоретический и практический аспекты

Исходя из предпосылки, что моральная регуляция способна в значительной мере дополнить недостатки правовой регуляции и служить ее основанием, а также признавая, что в столь специфическом общении, как компьютерная коммуникация, право не может в принципе регулировать постоянно возникающие нестандартные отношения и ситуации, мы будем в дальнейшем определять специфику и регулятивные возможности морали как социального явления, соотношение профессиональной и общечеловеческой морали, некоторые философские основания сетевой морали и этики.

Представления о морали, ее границах и необходимости есть у каждого человека, однако каждый понимает ее по-разному. Для дальнейшего исследования нам необходимо подвести некий общий знаменатель под рассуждениями об этике и морали, проанализировать разные ее компоненты.

Мораль как социальное явление представляет собой специфическое отношение к действительности и ее восприятие в оценочно-нормативных формах: суждениях, оценках, представлениях, чувствах, т.е. мораль, по сути, выражает ценностное отношение человека к миру через (в рамках) категории добра и зла. Мораль одновременно предстает как **форма сознания**, выраженная в нравственных идеалах, принципах, нормах, суждениях, а также как **нравственные отношения** людей и как **нравственное поведение**, как поступки людей. Она выражает такие общечеловеческие или групповые интересы, вернее интересы и потребности общества и крупных общностей, которые позволяют им существовать как целое, защищая одновременно интересы целостности и каждого человека в отдельности.

Поэтому мораль проявляет себя как своего рода общеобязательность, интегрирующая элементы разного рода, отмеченные выше, а именно:

- а) ценностные суждения людей, их «рефлексиование»;

б) моральный язык, сохраняющий в устной или письменной форме прошлый опыт;

в) побуждения, мотивы, чувства людей, выступающие основанием для поступков;

г) личностно-психологические качества людей, воспринимаемые как отношение к действительности;

д) нравственные отношения между людьми, группами, воспринимаемые ими как справедливые, гуманные и т.п.);

е) действия людей (поступки) и совокупное поведение (нравы) социальных групп. Мораль не может быть сведена ни к одному из указанных элементов, ею пронизаны все социальные отношения и сферы жизнедеятельности людей, т.е. она всеядна.

Этика – это наука о морали, она обосновывает мораль, создает ее язык и как форма рефлексии людей входит в мораль, влияет на нее. Это и объясняет употребление английского термина “Ethics” как для обозначения морали, так и для обозначения науки о ней. Да и в русском языке часто говорят также: этические нормы как синоним моральных норм, «это неэтично», имея в виду тот факт, что нарушены нормы морали, которые этика выражает вербально или письменно.

Мораль как общеобязательность для всех людей имеет силу положительного примера и высшего одобряемого образца, но **фактически она не становится (да и не может становиться) правилом для каждого**. Всеобщность в принципе, но исключительность на практике – такова форма противоречия между должным и сущим – отмечал еще И. Кант. **Это противоречие** между гипотетической и реальной всеобщностью требований морали **разрешается (воплощается) в категории нравственного идеала**. Нравственные идеалы, принципы и нормы как формы нормативного регулирования поведения человека предполагают альтернативность поступка: у индивида есть **выбор** между исполнением нормы и отступлением от нее, без этого выбора не может быть и личной свободы. Но в этих формах морального сознания воплощаются представления общества (группы, общности) о должном, декларируемые устно или записанные, фиксируемые в предписаниях, правилах, запретах, оценках.

Фактическое состояние морального сознания индивида и социальной группы не обязательно отвечает объективно возникающим в конкретных условиях и видах деятельности требованиям поведения. Их выполнение (соблюдение) становится моральной задачей, осознание которой выступает как нравственный долг и нравственная ответственность социальной группы. Представляется, что это утверждение относится целиком к изученной нами новой области человеческих отношений – компьютерной (виртуальной) коммуникации.

Моральные действия (поступки) и нравственное поведение человека и группы нельзя определить непосредственно эмпирически без апелляции к мыслительным (рефлексивным) формам морали, т.е. нравственная детерминация не имеет жесткой однозначной каузальности, поскольку мораль возникает как огра-

ничение, противодействие тем фактам социально-природной детерминации, которые порождают антиобщественные поступки, поступки, которые противоречат интересам группы, общности, общества в целом. В этике не применимы математические формулы, алгоритмы, в ней специалисты-этики формулируют новые правила, регулирующие те или иные новые, нестандартные ситуации жизнедеятельности группы, общности. Эти правила обсуждаются, одобряются (или нет) и включаются в устав их деятельности, становясь тем самым руководством к действию, ориентиром в их поведении.

Современная мораль общества – это такая форма регуляции поведения людей во всех сферах их жизнедеятельности, которая отражает многоплановость и противоречивость способов их поведения, т.е. **нормы общественной морали** (в виде требований долга, чести, порядочности, ответственности, справедливости и т.п.) **имеют предельно обобщенный характер. Их конкретно-историческое содержание уточняется всякий раз применительно ко времени и месту действия субъекта в реально складывающейся ситуации и видах деятельности, принимаемая форму определена морального или профессионального кодекса** (семейного, корпоративно-профессионального – врача, ученого, журналиста, адвоката, педагога, офицера и пр.). Представляется, что зарождение, разработка, обсуждение и принятие различных вариантов сетевой (компьютерной) этики закономерны и вписываются в эту общую тенденцию проявления общественной морали.

Возникающие в жизни расхождения между требованиями общественной морали или указанными выше ее конкретно-профессиональными формами и их фактическим соблюдением людьми не означают отрицания морали как таковой или ее роли в современном обществе, как думают многие, даже просвещенные люди, но не имеющие этической подготовки. Это не просто расхождение между идеалом и действительностью (которое всегда и везде имеет место), а противоречие в самом строе моральных отношений, отражающих социально-исторические реальности, это вечное **противоречие между сущим и должным**.

Естественно, способы философского обоснования морали, ее этических принципов в разных этических системах, как мы увидим ниже, могут быть разные. Но допуская возможность обоснования морали, **мы признаем тем самым и существование нормативной этики как научной дисциплины**, а следовательно, и существование **конструктивистской, конвенциональной этики** (см. Бродский, 2000, с. 35–36).

Право на моральное суждение есть, бесспорно, у каждого человека, но в XXI веке оно должно подкрепляться определенным уровнем компетентности и интересом к гуманитарной культуре, к философско-этическим проблемам в частности. Этический конструктивизм не означает дилетантизм. Обсуждение и принятие системы моральных императивов, касающихся сетевой коммуникации, возможно только в результате коллективных усилий всех заинтересованных сторон – «вершителей» технического прогресса и пользователей компьютерных сетей, с одной стороны, и специалистов в области гуманитарных наук, этиков, философов и социологов – с другой.

Возможные философские основания компьютерной этики

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что разработка этики виртуальной коммуникации («сетевой этики») имеет сугубо практическую направленность, что она может стать неким дополнительным инструментом при принятии решений в этически затруднительных ситуациях, когда возникает ситуация нравственного выбора и вступает с действие самосуд, механизм совести, что она может быть названа областью **прикладной, конструктивистской этики**.

Вместе с тем, пока сетевая этика будет рассматриваться только в качестве механизма нормативной саморегуляции Интернета на базе стихийно сформировавшегося этоса виртуальной коммуникации в киберпространстве, ей не будет хватать масштаба для оценки формирующегося этоса, следовательно, у нее не будет возможности изменить его на основе обоснованных принципов, оценок. Другими словами, перед тем как приступить к анализу различных профессиональных и этических кодексов сетевой коммуникации, необходимо рассмотреть их философско-теоретическое обоснование с использованием существующей в мире этической методологии.

Такой анализ недавно провела Е.Ю. Малькова, и в дальнейших наших рассуждениях мы будем опираться на ее материал (см. Малькова., 2004, с. 10–13). Указанный автор предложила в качестве методологической базы три этические теории: этические принципы **утилитаризма, деонтологии кантовского типа и этику дискурса Апеля и Хабермаса**.

Авторами **утилитаристской** этической теории считаются английские философы Джон Ст. Милль, Джемс Миль и И. Бентам. Отражая настроения либерального британского общества периода расцвета капитализма XIX века, авторы этой системы продолжают традиции гедонизма и эвдемонизма в этике, а источник нравственности видят в природе человека как такового, в его естественном стремлении испытывать наслаждение и избегать страдания. В основе этики утилитаризма лежит выдвинутый Бентамом принцип **полезности**, провозглашавший главной целью моральной деятельности достижение наибольшего количества счастья (блага) для наибольшего количества людей.

Современные теоретики этики утилитаризма возводят в качестве важнейшего принципа практического поведения личности принцип максимальной пользы для максимального количества людей. Несмотря на обвинения в адрес утилитаризма в эгоизме, практицизме, стремлении к личной пользе, в отсутствии «высших мотивов» (в особенности со стороны марксистских авторов), нам представляется, что в жизни он часто оправдан. Конечно, в жизни возникают ситуации, когда действия людей имеют не только положительный, полезный характер, но и отрицательные, деструктивные последствия, многие из которых очень трудно предугадать заранее, что противоречит духу этой методологии. Но отбрасывать применение этих этических принципов целиком – не стоит. Утилитаристский принцип максимальной пользы для максимального количества людей

может быть и сегодня весьма продуктивен при выработке профессиональных кодексов сетевой коммуникации.

В **деонтологических** этических теориях кантовского типа решающее значение в определении поведения человека придается формально-универсальным правилам взаимодействия людей вне зависимости от того, к какому результату приводит их соблюдение в конкретной ситуации. «Эти правила, сформулированные в виде всеобщих нравственных законов, наиболее известными из которых являются «золотое правило морали» и категорический императив, служат предпосылкой для возникновения конкретных предписаний, составляющих основу нормативной этики» (см. Малькова, 2004, с. 11). И хотя цитированный выше автор считает, что здесь наблюдается некий абсолютизм требований, выдвигаемых деонтологическими теориями, настаивающими на недопустимости отступления от моральных императивов, т.е. наблюдается чрезмерный ригоризм, нам представляется, что **на деле именно этот подход чаще всего и лежит в основе создаваемых кодексов виртуальной коммуникации.**

Конечно, всегда и везде наблюдаются отступления от моральных норм, конечно, созданные кодексы целерациональны и технологичны, но ведь расхождение между сущим и должным, как было указано нами выше, присутствует всегда и везде, это черта любой морали, какая бы к ней не была применена методология анализа.

Примером созданного на этой основе кодекса являются четыре принципа **информационной этики**, сформулированные Робертом Мэйсоном, а именно: принцип неприкосновенности частной жизни, принцип доступности, принцип неприкосновенности частной собственности и принцип точности информации. Другие кодексы, основанные на идее соблюдения базовых моральных прав человека также имели широкое признание в начале эры компьютерной коммуникации. К числу таких базовых моральных прав, имеющих прямое отношение к информационной сфере, относятся право на получение информации, право на выражение своего мнения и право на тайну частной жизни.

Бесспорно, в процессе виртуальной коммуникации часто возникают ситуации конфликта между некоторыми принципами, правами, ситуация, которая в американской социологии и этике обозначена как **амбивалентность моральных норм**. Однако вопреки этой ситуации мы не видим оснований для отказа использования этой методологии в этическом анализе виртуальной коммуникации. Скорее всего, именно мораль в отличие от права способна разрешить это противоречие сущего и должного.

По мнению цитированного выше автора, преодолеть недостатки двух выше-сказанных подходов призвана концепция **этики дискурса**, разработанная немецкими философами К.-О. Апелем и Ю. Хабермасом. Вслед за Кантом они полагают, что этика есть наука, способная дать *объективное*, в кантовской терминологии – аподиктическое – знание, объективность которого целиком определяется возможностью его универсализации. Однако если Кант рассматривал поведение

изолированного человека, универсализирующего принципы, которыми он руководствуется, в ранг всеобщего закона, то упомянутые немецкие философы считают, что к моральной точке зрения других людей мы приближаемся лишь тогда, когда начинаем проверять наши максимы (правила) на совместимость с максимами других людей. Дискурсивная этика может быть сведена к следующему главному принципу: **на значимость могут претендовать только те нормы, которые получили (или могли бы получить) одобрение в с е х, кого они затрагивают как участников практического дискурса.**

Здесь категорический императив заменяется другим ключевым метапринципом – достижением рационального консенсуса в моральном споре, который и может служить критерием объективности и обоснованности конкретных моральных норм. Тем самым, по мнению Е.Ю. Мальковой, дискурсивная этика может быть рассмотрена как наиболее подходящей для специфики сетевой коммуникации этико-философской методологией, как универсальная этика коммуникации людей, взаимодействующих в ситуации конфликта интересов. Ведь оспариваемая здесь норма может получить одобрение всех участников практического дискурса лишь тогда, когда последствия и побочные результаты, которые общее соблюдение оспариваемой нормы может иметь для удовлетворения интересов каждого индивида, могут свободно и без принуждения приниматься всеми участниками. При этом необходимо также, правда, соблюдать пять процедурных требований, регламентирующих сам процесс дискурса.

Можно, конечно, согласиться с выводом о том, что «принципиально диалогический характер этики дискурса делает ее наиболее пригодной для морально-философского анализа современных коммуникационных процессов (в том числе и опосредованных компьютером)» (Малькова, 2004, с. 13).

Но, во-первых, анализ не бывает «моральным», а этико-философским, а во-вторых, этика дискурса, являясь действительно пригодной для анализа сетевой коммуникации, не должна быть возведена в ранг «универсальной этики коммуникаций, которой могут (и должны) придерживаться все люди, взаимодействующие в ситуации конфликта интересов, вне зависимости от того, в какой среде осуществляется их взаимодействие» (там же). Декларируемый выше плюрализм мнений при такой декларации явно нарушается.

Нам остается констатировать, что этика дискурса может служить, наряду с другими отмеченными методологиями, действующим инструментом прояснения и обоснования моральных норм, средством их легитимации в информационном обществе.

В заключение сформулируем некоторые **выводы** по представленному материалу.

В наши дни стало очевидно, что Интернет и другие телекоммуникационные сети могут принести людям как благо, так и зло, причем последнее до конца нами даже не осознано, учитывая существующий всплеск терроризма. Вместе с тем, наряду с мыслями о неограниченной свободе, которая всегда была очень

привлекательной для молодежи (а ведь именно молодые люди становятся сторонниками абсолютной свободы в Интернете, именно они больше других пользуются им), **постепенно пробивает себе дорогу идея необходимости и возможности социального контроля в этом новом виде человеческого общения и коммуникации.** Учитывая, что право и мораль являются наиболее универсальными регуляторами жизнедеятельности людей, мы в дальнейшем будем анализировать существующие в разных странах в настоящее время формы правового и нравственно-профессионального контроля в этой сфере коммуникаций.

Задача данной статьи состояла в том, чтобы **обосновать необходимость регуляции виртуальной коммуникации,** обосновать тезис о том, что Интернет не только должен, но и может становиться объектом правового и морального регулирования. Специфика виртуальной коммуникации, как было указано в статье, такова, что полное отсутствие какого бы то ни было государственного регулирования телекоммуникационных сетей вряд ли осуществимо и не оправдано.

Информационная культура специалиста, да и любого пользователя компьютером, должна включать сегодня не только технические, технологические, но и правовые и морально-этические знания, разработка которых только начала осуществляться в последние годы.

Литература

1. *Барлоу Дж.* Декларация Независимости Киберпространства. – 1996. / Пер. с англ. Е. Горного (<http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translate/deklare.html>).
2. *Бродский А.И.* Обоснование морали в русской философии XIX-XX вв. Автореф. дис. докт. филос. наук. СПб., 2000.
3. *Дацюк С.А.* Виртуальная демократия. – 1997 (<http://www.uis.kiev.ua/~xyz/demos.html>).
4. Информационное общество сегодня и завтра // Информационное общество, 2001, вып.3, с. 29–34.
5. *Конецкая В.П.* Социология коммуникации. – М., 1997.
6. *Лазар М.Г.* Этика науки как новое научное направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии, 2001, № 3.
7. *Малькова Е.Ю.* Этические проблемы виртуальной коммуникации. Автореф. диссертации канд. филос. наук. СПб., 2004.
8. *Рейман Л.Д.* Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии, 2001, № 3.
9. *Хозиков В.И.* Информационное оружие. – СПб., 2003.